

Журнал продолжает публикацию разделов из книги Бронислава Малиновского «Свобода и цивилизация».

Вторая глава «Роль свободы в рождении и развитии культуры» посвящена антропологическому анализу понятия «свобода», который наверняка покажется неожиданным нашему читателю. (Эта книга ранее не переводилась на русский язык, тем интереснее будет знакомство с этим разделом).

Л.А.Мостова.

Б.МАЛИНОВСКИЙ

СВОБОДА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ*

Роль свободы в рождении и развитии культуры

Культура, с момента возникновения, проявлялась в осознанном использовании человеком преимуществ своей среды обитания, а также упорядочивании индивидуальных стимулов, умений и нервных реакций на благо совместно осуществляемых действий. Примитивные человеческие группы и формирующие их индивидуумы обладают значительно более полной свободой социальной мобильности и приспособления к условиям существования, безопасности и процветания, не только благодаря орудиям труда и использованию основ знания, но прежде всего в силу соблюдения лояльности (общественному) строю, для совместного достижения поставленных целей.

И на самых ранних этапах существования, и в ходе эволюции, культура реализовала свои фундаментальные функции, предназначенные для удовлетворения базовых потребностей человека. Культура, таким образом, прежде всего означает свободу выживания в условиях, для которых человек не создан природой. Эта свобода выживания может быть аналитически подразделена на свободу безопасности и свободу благо-

состояния. Под свободой безопасности мы понимаем защитные механизмы культуры, включающие артефакты и совместную деятельность, которая создает для человека как биологического вида значительно более широкое поле безопасности. Свобода процветания создает предпосылки к увеличению, расширению и многообразию сил использования природных ресурсов, позволяющих человеку подготовиться к периодам голодания, накапливать здоровье, и, следовательно, приобретать свободное время для других видов деятельности, которыми человек-животное никогда не стал бы заниматься.

Появление культуры превращает человека-животное в человека-мастера, организатора, человека думающего, говорящего и планирующего.

Человек-животное живет в природной среде, к которой он, как и другие животные, постепенно приспосабливается по ходу органического развития. Как любое животное он подвержен влиянию природной среды и потребностей своего организма. То есть человек до культурной эпохи обладает такой же свободой как и любое другое животное, несущее бремя собственной плоти и ее потребностей, зависящий от природы, с ее дарами и потенциальными возможностями, а также и опасностями, от которых любое животное пытается себя защитить.

Культура есть прямое и непосредственное утверждение свободы, потому что ее можно описать как искусственную среду, которая создает человеку дополнительную возможность контролировать силы природы. Она также дает возможность контролировать собственную реакцию на среду таким образом, что новый вариант приспособления — адаптации привычек и организации — становится более гибким и результативным, чем адаптация с помощью рефлексов и инстинктов.

Это изначальное установление свободы постепенно развивается и превращается в такой избыточный контроль над средой, в такую манипуляцию силами природы и такое развитие физических и умственных способностей человека, которые превращают его и в хозяина земного шара, и, одновременно, в раба и собственной техники, и собственной глупости. Значение существенного возрастания свободы, как и лишения ее, мы можем осознать, сравнив место человека в пределах его физического мира с тем, с чего он начал при рождении культуры. Антропидный примат, от которого человек начал свою культурную карьеру, проживал в природной среде с ограниченными возможностями, например, в тропических джунглях. Человекообразная обезьяна удовлетво-

* Продолжение. Начало: Т. II. Вып. 3. Malinowski B. Freedom in the Birth and Growth of Culture // Freedom and Civilization. NY, 1943. P. 30–38.

Малиновский Бронислав Каспар (1884–1942) — известный британский социальный антрополог и социолог, один из основателей функционализма.

Мостова Любовь Александровна — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой культурологии Московского авиационного института.

ряла свои потребности, питаясь ограниченным и строго определенным набором продуктов, защищалась от опасностей с помощью небольшого набора приспособлений. Анатомически человеческий вид был весьма незащищен. Подобно всем антропоидным приматам, будущий человек от природы не обладал защитными механизмами — ни клыками, ни когтями, ни рогами. Не был он защищен и толстой шкурой или большой скоростью движения. Его тело было весьма уязвимо и подвергалось многим опасностям из-за долгого периода взросления детенышей.

Начиная с таких, довольно неблагоприятных, обстоятельств, человек в процессе своего культурного развития постепенно заселил весь земной шар, покорил все его области и всех его обитателей. Он смог приспособиться и к арктическому климату, и к тропическим джунглям. Он живет в горных районах и населяет острова, окруженные бескрайним простором океана. Он придумал способы напоить водой пустыни и добывать пропитание в бескрайних степях и прериях. Мы видим, что свобода как способ адаптации человека распространила его власть и по всей поверхности земли, и над теми стихиями, куда его власть прежде не проникала.

Это стало возможным благодаря развитию таких орудий труда и совместных действий, которые дали человеку власть над стихиями и средства передвижения, к чему человек от природы не был приспособлен. Сначала на челнах, выдолбленных из ствола дерева, на плотах, каноэ, затем с помощью парусных и моторных судов человек покорил моря. Он придумал приспособления для погружения в воду, одежду для водолаза, затем очень сложные механизмы подводных лодок. И уже совсем недавно человек покорил и небо и настолько приблизился к космосу, что этого не могли себе вообразить те, кто родился в прошлом веке.

Таким образом полная свобода, данная человеку как биологическому виду, через посредство его культурного инструментария, становится объективной, реальной и специфической. Она представляет собой более разнообразный и более надежный способ удовлетворения внутренних биологических потребностей человека и неограниченное расширение масштабов человеческой мобильности. Это новый тип адаптации к природной среде. Он реализуется с помощью механизмов, машин и орудий; с помощью организации человеческих существ и их отношения к механизмам, с помощью координации их деятельности на основе специальных правил согласованного поведения; с помощью развития символических средств коммуникации, особого языка, с помо-

щью которого человек мог накапливать свои традиции и передавать их от поколения к поколению.

Культура в своей начальной стадии дает свободу жить в безопасности и с гарантированным достатком, и в то же время она требует послушания и подчинения определенным ограничениям. Эти ограничения представляют собой знание правил и методов того, как пользоваться окружающей средой и избежать опасностей. К ним относятся законы, обычаи и техника социальных отношений. Этические нормы, частично выраженные в подчинении сверхъестественному, частично возникающие из общих эмоциональных реакций, также налагают определенные ограничения с самого рождения культуры.

Без этих законов невозможно обойтись даже в самых примитивных формах культурного поведения. Важно помнить, что даже примитивный человек точно так же подчинялся этим законам, как и члены чрезвычайно разнообразных развитых культур современности. Ни онтогенетически, ни филогенетически человек «не рожден свободным». Сама жизнь новорожденного в большой степени зависит от социальных и культурных обычаев его семьи. По мере роста смысл его обучения и образования заключается в воспитании дисциплины, ограничении его свободы, в замене рефлексов на привычки, вольного поведения на опыт, тактически — в передаче ему всего разнообразия технических, социальных и нравственных традиций. Филогенетически человек начинается с культуры, а культура — с трудностей. Следовательно, человек не рожден свободным, в чем старается нас убедить Жан Жак Руссо. Он рожден для новой свободы, которую может обрести, только приняв на себя цепи традиций и пользуясь, как это ни парадоксально, этими самыми цепями как инструментом свободы.

Ранний человек так же не мог создать ни единого артефакта только своими усилиями, осуществить самую простую деятельность в одиночку, или даже просто насладиться результатами своего труда, получив свою долю, как и другие, без благословения законов примитивных обычаев, законов собственности и привилегий. Это утверждение может показаться преувеличением для тех, кто забывает, что все преимущества традиций, как и все гарантии благосостояния, имеют социальный характер. Освоению огня, как и умению его добыть, надо было научиться. Каменные орудия мог сделать один человек, он же мог и пользоваться ими, но добыча камней, знание, где их найти и как пользоваться материалом и навыками, а также принципы частной собственности на ору-

условия, соответствующие нуждам, желаниям и стремлениям человека — это первая, главная предпосылка свободы. Однако все формы планирования, все видение, все устремления, открытия или изобретения останутся невостребованными, ненужными и не имеющими отношения к науке о человеческом поведении, если отсутствуют средства их реализации. Свобода духа — это либо пустая фраза, либо она означает какие-то изменения в материальном мире, в мире телесном и человеческой жизни. И, наконец, как это хорошо известно антропологу и историку, все человеческие усилия, весь его тяжкий труд и старания могут оказаться либо опять-таки полезными, либо бесполезными, ненужными и нереальными. Такое неоднозначное условие человеческой деятельности определенно зависит от его успеха и значимости этого успеха для общины, для института и для всех его членов. Конечные результаты человеческой деятельности, удовлетворение, которое они дают группе и входящим в нее индивидам, могут быть либо достигнуты, либо нет. Обсуждать проблему свободы, не учитывая удовольствие и наслаждение от полученных результатов — это значит путать труд раба и труд свободного человека. Свобода, выражающаяся в уровне жизни, в наслаждении и удовольствии носителей культуры, настолько же важна, как и свобода выбора цели и свобода выбора необходимых средств для осуществления элективного действия.

Следовательно, поддержка и развитие психологических импульсов человека, проявляющихся в его стремлениях, изобретениях, вкладе человека в культуру — это первейшее условие свободы. Формирование социальной лояльности, на которой строится любой социальный институт — это второе условие. То, каким образом распределяются культурные ценности — экономические, социальные, политические, моральные и духовные, когда свобода понимается как стремление к счастью — это последнее и, возможно, главное условие свободы.

Такое краткое описание культурной предпосылки проблемы свободы в эволюционной перспективе приведено для того, чтобы прежде всего показать, что ни один поступок человека, в соответствии с положениями науки о человеке, не происходит вне культурного контекста. В этом смысле вопрос о свободе можно обсуждать как вопрос особенностей культурного процесса. В самом начале своего развития и в процессе этого развития культура дает определение пространства и возможности, а также налагает определенные ограничения.

Поэтому свобода — это всегда относительное понятие, подразумевающее равновесие и взаимодействие. Это дополнительное благо, получаемое от достигнутого общего успеха и прежде всего и главным образом это результат неизбежного подчинения правилам, нормам и ограничениям. Это благо рождается из умения соотносить «мои привилегии» с привилегиями других, потому что человек зависит от других — как через соблюдение традиций, так и через сотрудничество. Если начинать анализ свободы с рассмотрения человеческого поведения в ограниченный период его жизни и деятельности, то такой анализ всегда приведет к ошибке. Она окажется еще более серьезной, если мы будем опираться на субъективные ощущения индивида в подобных условиях и попытаемся вообразить себе его чувства. Поэтому анализ свободы следует начинать с ее объективного и реального контекста, а не настраивать психологический телескоп или микроскоп на ту невидимую сущность, какой является человеческая душа в ее эмоциональном многоцветии, в каком она сама себя видит в собственном приватном микрокосме.

Итак, наша концепция свободы основана на анализе конкретных и специфических форм ее проявления. Это ценность, получаемая человечеством, объединившимся для совместной деятельности в группы, состоящие из людей, которые должны подчиняться определенным нормам, должны использовать орудия и механизмы, должны сотрудничать ради достижения определенных целей. В результате этого они получают полную свободу ценой частичного подчинения и самоотречения. Эта жертва значительно меньше того блага, которое они в результате получают. Если же это самоограничение и подчинение мешает членам общества — будь то при рабстве или крепостничестве, при военном режиме или на галерах — участвовать в планировании или обсуждении целей и решений или в получении равной доли результатов труда, такое лишение инициативы и справедливой доли в общепринятом уровне жизни означает полную или частичную, временную или хроническую отмену свободы.

Как показал наш анализ, справедлив тезис о том, что свобода — это успешный и беспрепятственный ход культурного процесса, ведущего к полному удовлетворению всех потребностей человека. Свобода — это полный успех в действии — не больше и не меньше. Это действие, спонтанно спланированное, элективно осуществленное и давшее плоды всем участникам действия. Из всего этого следует, что общая характеристика культуры — ориентирована ли она на войну или на мир,

на коллективное воровство или на развитие искусств, ремесел и промышленности, на поклонение жестокости и агрессии или на веру гуманную и этическую — является решающим фактором в определении того, свобода это или рабство.

Таким образом, распределение свободы в обществе, свободы, которая должна проявляться при определении цели, типа деятельности и доступности равных возможностей жизни, — это одна из конкретных и специфических проблем, пренебрегать которой нельзя. Факты применения силы с целью физического ограничения, экономического давления и духовного шантажа следует изучать на любом уровне человеческого развития. Наше исследование показывает, что свобода — это в сущности положительное качество человеческого поведения, это умение справедливо и эффективно удовлетворять потребности всех в контексте данной культуры.

Хотя мы все время настаиваем на том, что свобода специфична и конкретна, что это концепция равновесия и взаимодействия, это не значит, что мы должны говорить лишь исходя из тезиса «много прав, но нет свободы». Свобода действительно одна и неделима. Это общая концепция, которая, как мы определили выше, означает условие человеческого существования, дающее человеку возможность добиваться максимальных достижений с помощью согласованных действий ради того, чего он хочет и что ему нужно, и делать это эффективно, так, чтобы удовлетворять, а не мешать удовлетворению его желаний и стремлений. Степень общей свободы — это мера каждого отдельного вида свободы. Научный анализ свободы через изучение отдельных форм ее проявления должен сочетаться с таким же научным обоснованием общей меры свободы и наиболее общих формул, охватывающих все эти специфические проявления свободы. Надеюсь, что такой краткий предварительный обзор, предпринятый автором, позволит легче справиться с критическим анализом целого ряда новых работ по проблеме свободы.

Перевод М.А. Султановой

Ральф Линтон и его место в теории культуры

Ральф Линтон (1893–1953) — выдающийся американский антрополог первой половины XX века. Профессор антропологии Висконсинского (1928–1937), Колумбийского (1937–1946), Иельского (1946–1953) университетов. Редактор журнала «American Anthropologist» (1939–1944). Внес большой вклад в развитие культурной антропологии США. Основной задачей своих исследований считал построение целостной модели культурно-детерминированного поведения человека. Вместе с А.Кардинером ввел одно из основных понятий современной социальной психологии — понятие «основной структуры личности»; «базисной личности» определенных общества и культуры. Р.Линтон выдвинул теорию статуса и роли, оказавшую большое влияние на американскую социологию и социальную психологию.

Исследуя соотношение личность-культура-общество, он выделил ряд основных положений. Для становления понятия культуры он считал важнейшим изучение неевропейских культур. Линтон полагал, что культуры представляют собой организованные функциональные единицы, в рамках которых следует изучать человека, при этом придерживаясь принципа связи с определенной культурой, а не культурой вообще. Реальная культура любого общества состоит из фактически существующего поведения ее членов, но каждая модель реальной культуры — это не один элемент поведения, а группа элементов, варьирующихся в определенных пределах.

В любой реальной культуре вариативность поведения представляет серьезную проблему для изучения данного феномена даже на уровне простого описания. Чтобы представить ясную картину любой культуры или использовать культурные данные, исследователь должен создать культурный конструкт. Он, разумеется, не может соответствовать реальной культуре, но тем не менее дает лаконичное, но достаточное приближение к условиям реальной культуры, которая, по мнению Линтона, представляет собой совокупность общего, усвоенного через обучение поведения членов общества. Полученная модель конструкта культуры соответствует образцу одного из вариантов модели реальной культуры.

Феномены личности, культуры и общества, во всем их многообразии и взаимосвязях, стали объектами научного изучения только со